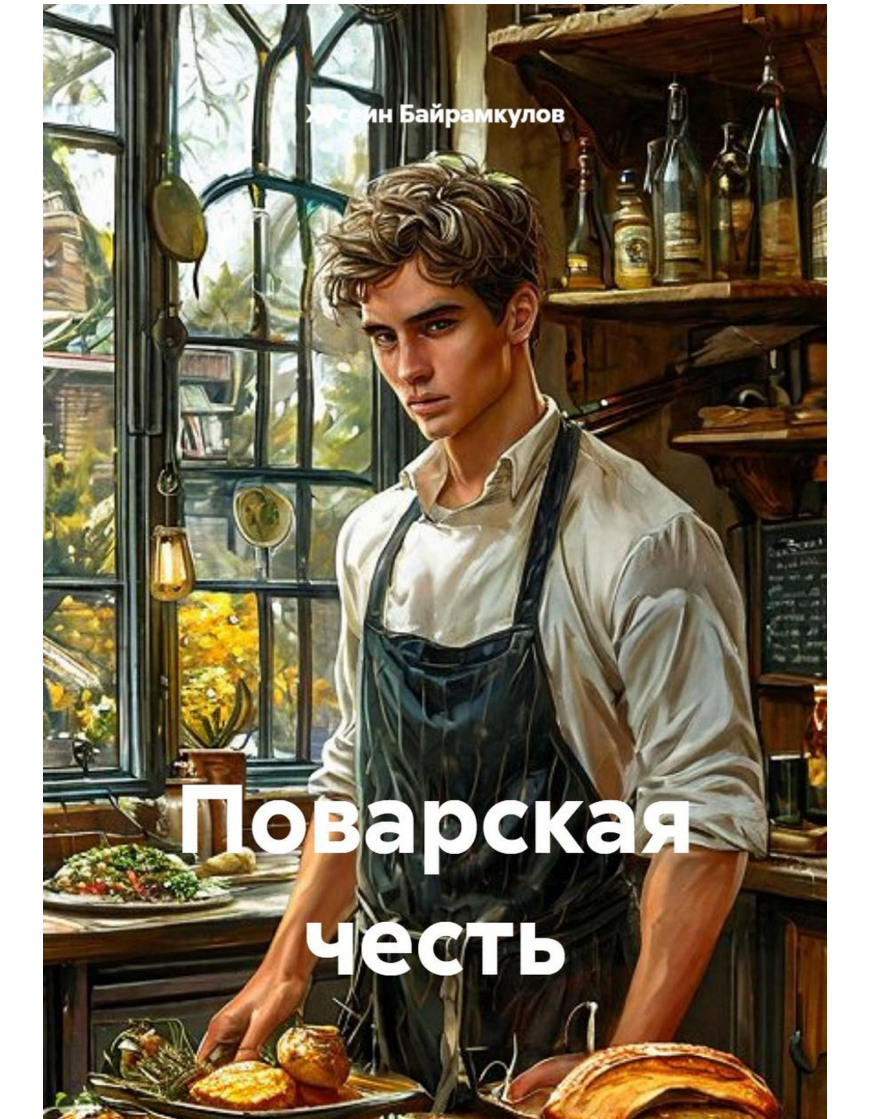

An oil painting of a young man with wavy brown hair and a serious expression, wearing a white shirt and dark apron. He is in a rustic kitchen, standing by a large window with a view of a village. On the shelves behind him are various bottles. In the foreground, he is plating food, including roasted potatoes and a large piece of roasted meat. The lighting is warm, coming from the window and a small lamp hanging nearby.

Жусуп Байрамкулов

Поварская честь

Хусеин Байрамкулов

Поварская честь

<https://litres.ru/74190933>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кулинария — это магия. Все это слышали, но не каждый знает, что это правда.

Артём провалил экзамены и не знал, куда податься. Пойти в кулинарный техникум он решил просто чтобы быть рядом с Оксаной — девушкой с белыми волосами и грустными глазами, которую встретил у кабинета директора. Он и подумать не мог, что этот выбор навсегда изменит его жизнь.

Хусеин Байрамкулов

Поварская честь

Пролог

Кулинария – это магия. Все это слышали, но не каждый знает, что это правда. Я могу с уверенностью это утверждать, как повар, у которого за плечами два десятка лет опыта. Я видел магию кулинарии, слышал о ней и пытался её постичь. Да даже вы видели её: в каждом кулинарном поединке поваров или шоу обучающем готовке. В путевых передачах с описанием меню кафе различных стран. Шкворчащее мясо на сковороде (да простят меня веганы и вегетарианцы) или шипящий жир, на углях. Сок, что едва-едва выглядывает из-под сочного стейка. Сияющее мороженное, в кристалликах которого отражается свет. Салат из свежих овощей, что одним лишь видом дразнит аппетит – всё это продукты магии кулинарии.

Как её укротить? Где она? И как лучше её применить? Ответы на всё это знают все повара не лишённые чести. Что такое поварская честь? Этому не учат на подготовительных курсах и в учебных заведениях. Это то, что ты постигаешь с опытом. Есть некий кодекс чести повара. Некий потому что со временем, когда при встрече с другими коллегами, то об-

наруживается что четвёртый закон кодекса чести у него идёт третьим или седьмым. Звучит это правило так: «повар обязан дегустировать блюдо на всех этапах готовки, убедиться в свежести и надлежащем качестве продуктов и перед подачей блюда – убедиться в том, что оно получилось на должном уровне». Формулировка может чуть отличаться, но смысл не теряется. Это происходит потому, что этот некий и условный кодекс вдалбливается в голову твоим обучающим мастером непосредственно на практике. Условный, потому что нет фиксированного документа, свода с правилами кодекса. Правила передаются из уст в уста и переписываются в блокнот стажером. Правило разумное и логичное, но не все правила такие.

Условен он ещё и потому, что нет надзорного органа, который бы следил за его выполнением. Естественно, при не соблюдений санитарных норм, к примеру, можно лишиться работы и лицензии. Однако, за нарушение правила «покупайте всегда качественные мясные продукты» не всегда посадят, к примеру. Ну купишь очень лежалое, зато сэкономишь. Или правило «не разогревайте готовое блюдо, а лучше приготовьте свежее» нарушается сплошь и рядом, но не карается по закону. Кара наступает иная - отсутствие клиентов, а следовательно - прибыли.

На своём пути я осознал, что нарушение правил кодекса

приносит пользу сиюминутную, но оборачивается проблемами в будущем. Повара, что следуют ему, уважают себя и клиентов постигают потом магию. Но как её постичь? Это я и хочу узнать.

Глава I

Мистер Понедельник зашёл в среду, что само по себе могло служить дурным предзнаменованием. Прозвище приклеилось к нему не просто так: он всегда появлялся по понедельникам, раз в неделю, как по расписанию. Маркер. Тогда я ещё не знал этого слова, но интуитивно уже отмечал таких людей. Мы между собой звали его кто во что горазд: господин Понеделькин, сэр Мондэй — развлекались как могли. Но относились с теплотой.

В тот день он явился не один. За ним вошла девушка в очках с оправой «лисичка», и мы со Стёпой одновременно выдохнули. Свидание. А не прощальный визит — бытовала у нас примета, что второй раз за неделю постоянный клиент заходит, только чтобы больше не вернуться. Не знаю, откуда она взялась, но терять клиента в нашем маленьком кафе никому не хотелось.

Стёпа как раз зашнуровывал конверсы, собираясь на доставку. Чёрная кепка козырьком назад, жёлтые до середины

волосы, наушники уже на шее. Увидев Понеделькина, он по-мрачнел не из-за клиента, а потому что теперь везти пепперони, кажется, придётся мне. Я ободряюще кивнул: езжай.

Парочка села за круглый столик. Я подошёл.

— Здравствуйте. Может, вам будет удобнее на мягком диванчике? Там и вешалка рядом.

Понеделькин кивнул. Девушка, снимая очки, заметила:

— О, пойдём туда, Паш!

Павел. Вот, значит, как его зовут. Но для нас он так и остался мистером Понедельником.

Они пересели. Девушка принялась протирать очки салфеткой — занятие, по-моему, бесполезное, но я засмотрелся на неё. Не из праздного любопытства — просто сама мысль, что у нашего одинокого маркера кто-то может быть, казалась непривычной. Я одёрнул себя: он живой человек, в конце концов.

Заказ был предсказуем: большая пепперони, цезарь, кола. Стёпа с благодарностью укатил на доставку, а я отправился на кухню.

На кухне меня встретила Анжела. Старая женщина с усиками чуть пышнее моего, воплощение всего недовольства на

свете. Она домывала посуду, отчётливо шепча: «Как же я вас всех ненавижу». Обычно она приходила по субботам, но в ту осень шеф вызывал её всё чаще, и её присутствие в среде меня не столько удивило, сколько насторожило. Впрочем, выбора не было. Я принялся за салат, а когда тесто для пиццы уже подходило, нарезал колбасу.

И вот тут я позволю себе крохотное отступление. Пепперони Стёпы — это не просто пицца. Когда я, ещё студентом, впервые попробовал кусочек, у меня из глаз потекли слёзы, а к горлу подступил комок. Домашняя свиная колбаса, обжаренная в жире от бекона, которым потом чуть смазывалось тесто, — каждый кусочек таял во рту. Я тогда верил в бога. Не молился, не ходил в церковь, но верил твёрдо: только высшая сила могла наделить человека таким талантом, а свинину — таким вкусом. И сейчас, выкладывая ломтики на тесто, я чувствовал себя немного священником.

Пицца запеклась, цезарь был готов. Я взял колу, приборы, тарелки и понёс к столику. Сначала салат для дамы — куда же без этого. Потом разлил колу по бокалам; обычно Понеделькин наливал себе сам, но в тот день мне хотелось выразить ему признательность при свидетельнице.

Когда я вынес пепперони, разговоры в зале смолкли. Все взгляды устремились на меня — точнее, на пиццу. Сыр об-

волакивал румяные куски колбасы, присыпанные зеленью и крупной солью, на доске рядом лежала палочка корицы для красоты. Спутница мистера Понедельника, едва дождавшись, пока двенадцать снимков для инстаграма будут сделаны, жадно впилась в свой кусок. Замычала от восторга, попыталась что-то сказать с набитым ртом, смутилась, вытерла крошки. Очки её запотели.

Я отошёл за стойку, наблюдая. Они ели быстро, счастливо. Потом девушка переключилась на салат и какой-то рассказ, который я не слушал — не имею привычки подслушивать. К тому же вы даже не представляете, насколько все вы можете быть скучными, без обид.

Вскоре вернулся Стёпа, разрумянившийся с мороза. Я вручил ему листок с заказами от шумной компании из четырёх парней и одной девушки — та явно наслаждалась властью, этакая «Белоснежка» за столиком у окна. Сам же пошёл убирать посуду у наших маркеров.

— Счёт, пожалуйста, — еле слышно попросил Понеделькин.

— Раздельный?

— Нет, — опередила его спутница. — И книгу отзывов принесите!

Я едва не закатил глаза. Книгу отзывов требуют, чтобы на-

строчить жалобу. По лицу Понеделькина пробежала тень — угадайте, кому предстояло платить. Я отнёс грязные тарелки и быстро набросал счёт от руки, скинув процентов тридцать. Разницу тут же положил в кассу из своих чаевых. Мистер Понедельник всегда оставлял чаевые, пусть и скромные, так что помочь ему разок было делом чести.

Принес счёт и книгу — пустую, потому что шеф закупал тонкие брошюры и менял их каждый месяц. Девушка разочарованно фотографировала обложку.

— А знаешь, — услышал я, отходя, — первые отзывы всегда пишут сами официанты и хозяева...

— Да ты что? — удивился он.

Когда я вернулся к стойке, Стёпа уже выставлял на поднос пиццу и бургеры для «Белоснежки» и её свиты. Кофейный аппарат привычно сбоил, латте и макиато почти не отличались, но гостей это не смущало.

— Шевели булками, боец! — подмигнул Стёпа. — В темпе, в темпе!

Я усмехнулся и отнёс заказы. А когда возвращался, Понеделькин тихо окликнул меня:

— Можно вас?

Он дописал отзыв. Книжка лежала на столе, рядом —

деньги. Девушка вдруг спросила:

— А можно с вами сфотографироваться?

Обычно на такие просьбы я отвечал дурацкими шутками, вроде «флирт с официантом оплачивается отдельно», но перед Понеделькиным выделяться не хотелось.

— Прошу прощения, нам не разрешают, — я кивнул на камеру под потолком. — Могу забрать книгу?

Он кивнул. Девушка фыркнула. Я пересчитал деньги, вернул сдачу.

— Сдачи не надо.

— Спасибо, заходите ещё.

— Обязательно.

Я уже стоял за стойкой, убирая лишнюю мелочь в карман и исправляя цены в чеке — улики лояльности прочь, — когда на плечо легла рука Стёпы. Я вздрогнул.

— Не шугайся! — хохотнул он. — Знаешь, кого я сегодня встретил?

— Ну?

— Окси. Оксана в городе!

Внутри у меня что-то оборвалось, хотя я сам ещё не понял

почему.

Глава II

В день, когда я впервые увидел Оксану, у меня горела щека.

Мать ударила меня по лицу — впервые в жизни. До этого были только отцовские кулаки, от которых я научился уворачиваться. Уворачиваться от тапок, от бутылок из-под водки, от всего, что летело в мою сторону. Но мать никогда не била. А тут — пощёчина. Жгучая, хлёсткая, звонкая.

— Ты ничтожество! Зачем ты вообще родился?!

Я сообщил, что завалил ЕГЭ. И всё.

Потом она причитала, мазала мне щёку какой-то мазью, спрашивала, сержусь ли я, обижен ли, куда думаю поступать, что делать с этим годом, который я, простите за выражение, просрал. А я молчал. Язык не слушался. В голове — только тревога, липкая и бесформенная: нужно что-то делать. А потом зазвонил телефон. Директор школы просил прийти вечером в его кабинет.

И вот я стою перед кабинетом. Щека горит, в висках стучит.

— Смотрю, твой отец тоже не обрадовался? — раздалось справа.

Голос был нежный, почти заботливый, но с отчётливой насмешкой. Я повернул голову и увидел белое пятно. Сфокусировался.

Девушка. Белоснежные волосы, грустные глаза, лёгкая улыбка. Сердце забилося быстро и глупо. Я почувствовал, как краснею.

— Да не смущайся ты, — она кивнула на мою щёку. — Неловко за родаков?

— Па... почему?

— Ну, фонарь тебе знатный отвесили. Думал, наверное, сдашь честно, без взяток?

— Ах, это. — Я коснулся щеки. — Это мама.

Она прикрыла рот ладонью, но усмешку было не спрятать.

— Жесть. Сочувствую. Тоже принципиально не давал на лапу?

— Мне нечем.

— И что думаешь делать? Я вот уже решила.

Дверь кабинета распахнулась. Директор стоял на пороге,

звякая ключами.

— Мне вот тоже интересно, что с вами делать. Заходите. Кстати, вы единственные в городе, кто не сдал.

Мы вошли. Оксана села первой, не дожидаясь приглашения. Директор зыркнул на неё, но промолчал. Перевёл взгляд на меня:

— Тёма, садись. Я, честно говоря, ожидал, что ты не сдюжишь. Отец твой был оболтусом. Яблоко от яблони...

— Что вы себе позволяете? — голос Оксаны дрогнул.

— А ты молчи, когда старшие говорят! — Он резко развернулся к ней. — Думаешь, я не знаю, почему ты в школе вообще не появлялась? Заочница! Отец — инвалид, еле ходил, а теперь и вовсе в могиле. Мать который год в трауре, только и знает, что плакать и синьку глушить. У вас был шанс выбраться из всего этого — и что? Что ты будешь делать теперь, Оксана?

Оксана.

Её звали Оксана.

Она смотрела на директора исподлобья, сжав губы в тонкую линию. Он ждал ответа. Я тоже ждал, хотя, кажется, забыл, как дышать.

— Я на повара пойду, — сказала она тихо и зло.

— Прекрасно. Самое место для женщины!

— Да вы...

— Я тоже, — перебил я. Громче, чем собирался. — Я тоже пойду на повара.

Директор перевёл взгляд на меня, хмыкнул.

— Что ж, замечательно. Надеюсь, хоть там из вас людей сделают. Свободны.

Мы вышли молча. Пересекли школьный двор, вышли за ворота. И только там она остановилась.

— Ты только что придумал? С поваром?

— А... да.

— Почему?

Я молчал. В голове стучало: «Чтобы видеть тебя. Чтобы видеть тебя». Но сказать это вслух было невозможно.

— О, моя маршрутка, — она улыбнулась. — А ты забавный. Пакеда! Надеюсь, маман тебя больше бить не будет. Удачи.

— Удачи, — выдавил я.

Она запрыгнула в маршрутку, обернулась у окна и помахала рукой. Я стоял и смотрел, как автобус скрывается за по-

воротом.

И проклинал себя за то, что не спросил номер телефона.

Глава III

Вступительные экзамены мы сдавали в кулинарном техникуме — старом здании с выцветшей плиткой и запахом подгорелого масла, въевшимся в стены намертво. Запах мне сразу понравился. Он обещал, что здесь будет чему учиться. Или хотя бы чему горевать.

Оксана появилась в коридоре первой. Я увидел её белые волосы издалека, и сердце снова ухнуло, как тогда, у кабинета директора. Она стояла у расписания и грызла ноготь, хмурясь. Я подошёл и, кажется, минуты три просто мялся рядом, делая вид, что изучаю стенд с техникой безопасности.

— Привет, — наконец выдавил я.

— А, это ты, — она улыбнулась. — Ну что, забавный, готов варить супы до пенсии?

— Посмотрим. Я вообще-то... — я выдохнул и выпалил:

— Слушай, можно твой номер? Вдруг расписание поменяется.

Она прищурилась, потом хмыкнула:

— «Расписание поменяется»? Серьёзно? Ладно, диктуй

свой. Я скину эсэмэс, чтоб у тебя тоже был.

Я продиктовал, чувствуя, как горят уши. Она набрала, мой телефон пискнул. Я сохранил контакт: «Окси». С маленькой буквы, как-то по-домашнему. Мне казалось, если напишу «Оксана» — спугну.

Экзамены мы оба сдали средне. Теорию я вытянул на тройку, практику — на четвёрку. Оксана получила четвёрку и четвёрку, но страшно злилась: пересолила бульон. Пересолила она его ровно на ту долю, которую я, пробуя из соседней кастрюли, мысленно отметил как «чуть-чуть, но сойдёт». Она же считала это катастрофой. Так я впервые понял, что соревноваться мы будем постоянно. И что она в этом смысле — страшный человек.

Поступал я, конечно, из-за неё. Врать себе не стану: мысль «буду поваром, потому что она будет поваром» была единственным, что держало меня на плаву в то лето. Мать ещё дулась, отец отпускал обычные шуточки про «кашевару», но мне было плевать. Каждое утро я просыпался и думал: «Сегодня я увижу её в техникуме». И этого хватало.

А потом я втянулся.

Втянулся в ножи — настоящие, тяжёлые, с деревянными

рукоятками, которые пахли маслом. Втянулся в ритм нарезки: лук полукольцами, морковь соломкой, картофель брусочками. Втянулся в то, как меняются запахи, если кинуть чеснок в масло на секунду раньше или позже. Наш мастер, дядька с усами как у моржа, говорил: «Готовка — это химия, физика и немножко колдовства». Я тогда смеялся. Теперь понимаю, что он был прав буквально.

С Оксаной мы быстро стали не просто однокурсниками, а чем-то вроде спортивных соперников. На каждом практическом занятии она вставала к плите напротив меня и стреляла глазами: «Ну что, слабо?» Я не отвечал, просто делал. И получалось — то лучше, то хуже. Но когда лучше, она фыркала и цедила: «Случайность». А когда хуже — улыбалась так, будто выиграла олимпийское золото.

Однажды нам дали задание: приготовить ужин из подручных продуктов. Условия — никакого мяса, только то, что лежит в корзине. Мне достались картофель, соевый соус, лук, болгарский перец и какая-то зелень. Оксане — баклажаны, помидоры и сыр фетакса. Мы переглянулись, и в воздухе повисло молчаливое: «Посмотрим, чей ужин лучше».

Я почистил картошку и уже привычным движением хотел нарезать её соломкой для жарки. Но вдруг остановился. Показалось, что картофелина в моей руке... тёплая. Не от во-

ды — от солнца за окном, что ли? Я покрутил её в пальцах, и в голове пронеслось странное ощущение — не мысль, не голос, а скорее образ: крупные ломти, чуть присыпанные солью, запечённые в духовке до хрустящей корочки. И чтобы политы были соевым соусом не в конце, а до — чтобы впитался.

Я замер. Потом медленно, почти не дыша, отложил нож и взял соевый соус. Бутылка была обычная, стеклянная, с красной крышкой. Но едва я плеснул немного в миску, как в ноздри ударил резкий, солёный дух, и я вдруг понял — нет, не понял, а услышал: «Не жалея. Лей ещё. И дай картошке поплавать». Я вздрогнул и оглянулся — не смотрит ли кто. Но все были заняты своими плитами. Оксана как раз крошила сыр в салат, напевая под нос.

Я снова посмотрел на картофель. Ломти — да, именно ломти, не соломка. Я нарезал их толстыми кружками, сложил в миску и, словно под гипнозом, залил соевым соусом, добавил масла, перца, раздавленного чеснока. Оставил мариноваться.

Потом пришла очередь салата. Зелень, перец, лук — всё я резал автоматически. И вдруг снова этот зов. Тихий, настойчивый, как будто кто-то дышит в ухо, но слова разобрать можно: «Фетакса... фетакса... ну пожалуйста...» Я поднял

глаза на Оксану. Она как раз держала в руке тот самый сыр — белый, в рассоле, нарезанный кубиками. Я открыл рот, сам не зная зачем:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.